

ПАВЕЛ ЭДУАРДОВИЧ РАТМАНОВ

доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры общественного здоровья
и организации здравоохранения
Дальневосточного государственного медицинского университета,
г. Хабаровск, Россия
e-mail: pavel.ratmanov@fesmu.ru

ПОЛИНА АНТОНОВНА ШЕНОЕВА

магистрантка факультета перевода, лингвистики и культурологии
Майнцкого университета им. Иоганна Гутенберга в Гермерсхайме,
г. Гермерсхайм, Германия
e-mail: polinashenoeva@gmail.com

ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ БАШКУЕВ

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела истории,
этнологии и социологии
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Улан-Удэ, Россия
e-mail: vbashkuev@gmail.com

СССР на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г.: здравоохранение как «мягкая сила»

УДК: 61(091); 614.2

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14002

Целью данного исследования является изучение участия СССР в Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. в контексте советской и германской истории. Изучаются процесс подготовки советского павильона и работа экспозиции на выставке, восприятие немецким обществом советской экспозиции и оценка работы павильона советской стороной. В основу статьи положены архивные материалы из фонда Наркомздрава РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. А482): переписка сотрудников Наркомздрава по поводу подготовки и проведения выставки, распоряжения, протоколы совещаний, отчеты, выдержки из гостевой книги павильона, вырезки из немецкой прессы и др. Экспозиция СССР с самого начала планировалась как политическая акция на международной арене. В итоге она стала больше политическим событием, чем мероприятием в области гигиены. Выставка показала различие в политических и научных повестках разных стран. Если Германия организовывала выставку с целью демонстрации своего научно-технического превосходства в области гигиены, то СССР использовал гигиену лишь как инструмент политической пропаганды на международной арене. Определяющим фактором в положительной оценке немецкой прессой советского павильона на выставке в Дрездене стало участие

Л.М. Лисицкого в качестве его главного художника. В то же время немецкие обозреватели скептически отнеслись к декларируемым успехам и достижениям Наркомздрава.

Ключевые слова: здравоохранение, история, Наркомздрав, международные связи, мягкая сила, Советская Россия, Германия.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00031.

Традиция участия России в международных санитарных выставках сформировалась во второй половине XIX в. и, как многое в российской истории, имела внешнеполитическую подоплеку. Взвзвешавшейся за серьезные социально-политические реформы стране было совершенно необходимо позиционировать себя на равных в мировом сообществе в области санитарии, гигиены и борьбы с инфекционными болезнями, чтобы снять с себя стигму отсталости и догоняющего развития. Международное признание было нужно и русской медицине, переживавшей важнейший для себя этап реформ. Можно сказать, что стремление русских врачей рассматривать российскую медицину как часть мирового медицинского прогресса кульминировало во время Международной гигиенической выставки в Дрездене в 1911 г. [Stein, 2013; Страшун, 1961; Яровинский, 1986].

Девятнадцать лет спустя, в 1930 г., в Дрездене состоялась Вторая Международная гигиеническая выставка (далее — Выставка)¹ [Шерстнева, 2005]. За короткий по историческим меркам период между двумя выставками в мире успела смениться целая эпоха. С политической арены ушли Германская и Российская империи; хозяйкой международной выставки теперь выступала Веймарская республика, известная не только политическими пертурбациями, но и большой степенью свободы в международном научном сотрудничестве, творчестве, развитии науки и техники. Россия же, снова принявшая участие в дрезденской выставке, успела полностью сменить политическую систему, став Советским Союзом, где были открыто продекларированы полное социальное равенство, всеобщая доступность и бесплатность здравоохранения. В этот раз Россия везла в Дрезден не результаты почти полувека развития земской медицины, а достижения совершенно нового для того мира явления — социалистического здравоохранения. Однако получилось, что участие в Выставке в Дрездене в 1930 г. не имело столь большого значения для развития российского здравоохранения, как экспозиция на гигиенической выставке начала века.

Внимание историков медицины к вопросу участия СССР во Второй Международной гигиенической выставке в Дрездене пропорционально ее влиянию на развитие советского здравоохранения, т. е. очень незначительно. Эта тема оказалась достаточно глубоко проработана в статье Е.В. Шерстневой, где проанализированы не только отчеты о выставке в советской печати, но и единичные документы из фонда Наркомздрава РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Но фактологическая линия в этой работе базируется не на архивах, а на журналь-

¹ В литературе это мероприятие известно под названиями *Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden 1930* и *II. Internationale Hygiene-Ausstellung Dresden*.

ных статьях, в которых советская экспозиция оценена в самых лестных выражениях [Шерстнева, 2005, с. 59].

С точки зрения сегодняшнего дня участие СССР в гигиенической выставке 1930 г. является важным этапом информационного продвижения советского здравоохранения в мире. Выстраивая партнерские отношения с Веймарской Германией, СССР стремился не только к двустороннему сотрудничеству, но и к последовательной пропаганде достижений социалистической медицины на капиталистическом Западе. Медицина, игравшая роль индикатора цивилизованности и легитимизирующая своими достижениями «бремя белого человека» в колониальном XIX в., в первой трети века двадцатого оставалась мощным орудием политического влияния. Частью этого влияния, несомненно, была советская экспозиция на Выставке в Дрездене в 1930 г.

Нашей целью в данной статье является изучение истории участия СССР в дрезденской гигиенической выставке как политической акции, направленной на создание и продвижение положительного образа советской модели здравоохранения в капиталистическом мире. В основе этого исследования лежат архивные материалы из фонда А482 (Наркомздрав РСФСР) в ГАРФ. Воссоздавая историю формирования и функционирования советской экспозиции, мы задаемся рядом важных вопросов. Во-первых, почему она была политической акцией? Какие открытые и имплицитные цели ставились перед советской экспозицией Наркомздравом РСФСР и советским руководством? Как эти цели переплетались с внешней политикой СССР того периода в Германии, других странах Европы и в США? Как реагировали на выставку немцы? Как реакция немецкой стороны отражала социально-политические процессы в Германии того периода? Как оценивала эффективность работы выставки советская сторона?

На вторую половину 1920-х гг. пришелся апогей сотрудничества СССР и Веймарской Германии в области медицины и здравоохранения. Этот процесс начался после заключения в апреле 1922 г. Рапальского соглашения и завершился в начале 1930-х гг. с изменением внутривосточной обстановки в обеих странах [Solomon, 2006; Башкуев, 2012; Weindling, 2006]. В период сотрудничества шел интенсивный обмен информацией, медицинскими делегациями, реализовывались совместные медицинские проекты. После 1928 г. в связи с изменением политического курса СССР внешние связи в области медицины и здравоохранения стали постепенно сворачиваться.

Геополитическая подоплека сближения СССР и Веймарской Германии заключалась в том, что, вступая во взаимовыгодные отношения в областях, ограниченных статьями Версальского договора, страны демонстрировали мировому сообществу свое стремление к независимой внешней политике [Solomon, 2006; Башкуев, 2012]. Несмотря на широту и глубину связей двух стран в 1920-е гг., не вся германская элита считала сотрудничество с СССР (восточное направление) приоритетным, полагая, что более важным является восстановление связей со странами Европы и США (западное направление). Тем не менее имевшие многовековую историю связи России и Германии поддерживались за счет прослоек германофилов в России и русофилов в Германии. При этом немецкая сторона всячески дистанцировалась от коммунистической идеологии СССР.

Время проведения Выставки во многом было переломным. Если в СССР был принят курс на коллективизацию и индустриализацию, то в Германии усиливались

националистические настроения и набирали силу фашисты. Кроме того, в 1930 г. глобальный экономический кризис, уже оставивший глубокие экономические, социальные и культурные следы в обществе в целом, стал важным фактором при принятии стратегических решений в Германии, так как повлиял на нее гораздо сильнее, чем на другие страны Европы.

* * *

Решение о проведении международной гигиенической выставки в Дрездене было принято в конце 1927 г., когда началось строительство нового здания Музея гигиены в Дрездене. Сама выставка была приурочена к открытию музея. Общее руководство выставки осуществлял директор гигиенического института Дрезденского технического университета Карл Зюпфле (*Karl Süpfle*, 1880–1942), но непосредственное научное руководство было поручено доктору Марте Френкель (*Marta Fraenkel*, 1896–1976). Она уже имела опыт создания научной концепции выставки по здравоохранению *GeSoLei* (аббревиатура от нем. *Gesundheit, soziale Fürsorge und Leibesübungen* — здоровье, социальное обеспечение и физические упражнения) в Дюссельдорфе в 1926 г. [Weinert, 2017, S. 101]. Дюссельдорфская выставка была организована при участии Музея гигиены в Дрездене [Weindling, 1993, p. 413–414].

Марта Френкель не отрицала связь с выставкой 1911 г., но объясняла новую научную концепцию Выставки 1930 г. тем, что за 20 лет политические условия сильно изменились, а развитие здравоохранения и науки не стояло на месте. Социальная гигиена все еще оставалась актуальной темой, но, по ее словам, определить границы выставляемых тем было еще сложнее, чем раньше. Девизом Выставки 1930 г. стала именно личная гигиена, так как после Первой мировой войны люди стали уделять больше внимания физическим упражнениям и уходу за собственным телом [Münch, 1992].

Значительная часть постоянной экспозиции дрезденского Музея гигиены была прямо или косвенно связана с евгеникой [Weindling, 1993, p. 415]. Главным экспонатом выставки был павильон «Человек» (*Der Mensch*) об анатомии и физиологии, созданный Музеем гигиены в Дрездене, и основной его задачей было образование широких слоев населения в сфере личной гигиены [Hau, 2000, p. 510].

Предварительная информация о проведении выставки стала доводиться до Представительства Наркомздрава РСФСР в Германии с весны 1928 г.² Принципиальное согласие было принято после обращения германского посольства в Москве в Наркоминдел в феврале 1929 г.³ Уже весной 1929 г. под председательством директора Государственного института социальной гигиены (далее — ГИСГ) А.В. Молькова была создана специальная комиссия, которая занялась подготовкой проекта для участия СССР в Выставке⁴. Секретарем комиссии был назначен врач-психиатр и заведующий отделом в Главном санитарном управлении РККА доктор А.О. Эдельштейн⁵.

² ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 325. Л. 128–129.

³ Там же. Л. 126; Д. 326. Л. 133, 136.

⁴ Там же. Л. 119.

⁵ Там же.

Несмотря на предварительное согласие Советского Союза, правительственно-го решения об участии в Дрезденской выставке к лету 1929 г. еще не было. В мае 1929 г. участие СССР в выставке было признано необходимым на заседании Коллегии Наркомздрава РСФСР⁶. В июне того же года коллегии Наркомтруда СССР и Наркомздрава РСФСР обратились с соответствующим ходатайством в Совнарком СССР⁷. До решения Совнаркома о создании Всесоюзного выставочного комитета и выделения соответствующих средств при Наркомздраве РСФСР было создано рабочее бюро⁸.

Приглашая СССР на Выставку, германское посольство в Москве «от имени Правительства Германии» в январе 1929 г. подчеркнуло, что выставка будет носить культурно-научный характер, не имея целью охват всей отрасли здравоохранения, и что особый акцент будет сделан на вопросах гигиены, особенно на личной гигиене и физкультуре⁹. Организаторы Выставки обращали особое внимание на личную ответственность каждого за свое здоровье в то время, когда вся страна испытывает финансовые трудности и когда государство всеобщего благосостояния перегружено [Weinert, 2017].

Большинство иностранных участников Выставки создавали свои экспозиции, исходя, в первую очередь, из необходимости продвижения своих товаров и услуг (курорты, продукты питания, товары, имеющие отношение к гигиене) на зарубежных рынках¹⁰. Но уже в июне 1929 г. в совместном обращении Наркомтруда СССР и Наркомздрава РСФСР участие в Выставке рассматривалось как «демонстрация успехов социалистического строительства за годы после октября и грандиозный размах пятилетнего плана», которое должно «сыграть огромную политическую роль и оказать серьезное влияние не только на пролетарские массы, но и на радикальные круги интеллигенции на Западе»¹¹.

Основными лозунгами советского павильона были выбраны следующие:

«СССР — страна Советов. СССР — страна строящегося социализма. Здоровье трудящихся — один из важнейших ресурсов страны».

«Пятилетний план великих работ несет с собой невиданные успехи по оздоровлению социального коллектива».

«Подлинное оздоровление трудящихся возможно только на базе широких и коренных социальных мероприятий, обеспечивающих высокий жизненный уровень трудящихся и культурной революции, влекущих реконструкцию быта».

«Широкое развертывание самодеятельности трудящихся, обеспечиваемое системой советского государства, залог успеха начинаний по оздоровлению социального коллектива»¹².

Таким образом, выставка строилась по принципу от общего к частному, т. е. от коммунистической идеологии и советского строя к здоровью и здравоохранению.

⁶ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 326. Л. 131.

⁷ Там же. Д. 325. Л. 110.

⁸ Там же. Л. 102.

⁹ Там же. Д. 326. Л. 134, 136.

¹⁰ Там же. Д. 325. Л. 93.

¹¹ Там же. Д. 326. Л. 125.

¹² Там же. Л. 96–98.

В подобной трактовке успехи советского здравоохранения преподносились как следствие общего государственного устройства СССР. Такой подход предполагал демонстрацию исключительно положительных сторон советской действительности и совершенно исключал показ объективной картины со всеми недостатками. В конце 1920-х гг. идеологическое давление на советское здравоохранение усилилось, и на международной арене решено было показать его «витрину». Эта модель была к этому времени уже отработана на примере другой «витринной» организации — Всесоюзного общества культурной связи с границей (далее — ВОКС) [Дэвид-Фокс, 2015].

Практическая подготовка СССР к Выставке началась в ноябре 1929 г. после решения советского правительства (Постановление СНК СССР от 11 октября 1929 г.), когда был организован Комитет по организации Советского павильона на международной гигиенической выставке в Дрездене в 1930 г. (далее — Комитет) под председательством наркома Н.А. Семашко и было арендовано помещение в международном павильоне¹³. В качестве участников выставки Постановлением СНК СССР были указаны Наркомздравы союзных республик, Наркомтруд СССР, Наркомвоенмор, Наркомпрос, ВСНХ, ВСФК, Исполкомы Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и др.¹⁴

Общее собрание всех участников выставки состоялось 3 ноября 1929 г. под председательством Н.А. Семашко. Были представлены доклады А.О. Эдельштейна о подготовительной работе временной комиссии по организации выставки и И.Д. Страшуна о примерной программе отдела СССР на Выставке. Программа была принята с небольшими замечаниями¹⁵.

13 ноября 1929 г. в помещении ГИСГ прошло заседание, на котором были представлены доклады Л.М. Лисицкого о художественном оформлении павильона и заведующих отделами Наркомздрава РСФСР о планах работ их отделов¹⁶. Через десять дней на заседании Комитета выставки были утверждены художественный план павильона и план по отделам¹⁷. ГИСГ стал фактически штабом по подготовке к Выставке, так как И.Д. Страшун в это время был заместителем директора этого института.

Каждая группа разрабатывала экспонаты для своего раздела выставки. Например, ученый-гигиенист З.Г. Френкель готовил электрифицированную карту СССР с обозначением разноцветными лампочками городов с канализацией и очистными сооружениями сточных вод, центральных водопроводов и пр. [Поддубный, Егорышева, Морозов, 2017, с. 76–77; Френкель, 2009, с. 379–380]. Руководитель санитарно-эпидемиологического отдела Наркомздрава РСФСР А.Н. Сысин координировал участие в Выставке московских бактериологических и санитарно-гигиенических институтов Наркомздрава и Мосздрава¹⁸. Институт санитарной культуры готовил

¹³ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 325. Л. 87.

¹⁴ Там же. Д. 326. Л. 96–98.

¹⁵ Там же. Л. 93–94.

¹⁶ Там же. Д. 325. Л. 88–89.

¹⁷ Там же. Л. 86.

¹⁸ Там же. Д. 652. Л. 1–3.

экспонаты по разделу санитарного просвещения¹⁹. После ухода Н.А. Семашко из Наркомздрава РСФСР работа по подготовке к выставке продолжилась уже под председательством нового наркома — М.Ф. Владимирского.

Работа выдающегося советского художника и архитектора Лазаря Марковича Лисицкого (Эль Лисицкий) на Выставке не была случайной. Он считал себя пионером по «оформлению политически ответственных выставок» [*Канцедикас, Яргина*, 2004, с. 24]. Двумя годами ранее в 1928 г. советский павильон выставки «Пресса» в Кельне на тот момент был приоритетным проектом ВОКС, его руководитель О.Д. Каменева лично помогала составить детальный план работ для команды из 60 художников во главе с Л.М. Лисицким. «Просветительская» функция советской журналистики, активно проводящей политику партии, и ее способность участвовать в социалистическом строительстве в качестве идеологического «оружия» стали одной из главных тем кельнской выставки [*Дэвид-Фокс*, 2015, с. 450, 610].

В апреле 1930 г. М.Ф. Владимирскому поступило приглашение в почетный комитет иностранных государств при Дрезденской выставке, которое он принял²⁰. Лично присутствовать на открытии выставки 17 мая М.Ф. Владимирский не смог из-за «срочных государственных дел»²¹. В это время нарком находился в отпуске в Крыму²². Заведующим советским павильоном на Выставке был назначен И.Д. Страшун²³. Вместе с А.О. Эдельштейном он выехал в Дрезден в начале мая 1930 г.²⁴.

Мы не располагаем сведениями, почему нарком М.Ф. Владимирский не поехал в Дрезден, но, судя по сохранившимся документам, в июне 1930 г. он проявлял большой интерес к реакции немецкого общества на советский павильон. Германию он все-таки посетил, но только два года спустя, во время недели советской медицины в Берлине в 1932 г. [*Космач*, 1987].

* * *

Официально Выставка была открыта 17 мая 1930 г., хотя большинство павильонов к этому времени не были готовы. От Советского Союза на открытии выступил Полномочный представитель СССР в Германии Н.Н. Крестинский²⁵. Советский павильон был открыт 1 июня 1930 г., так как в этот день на выставке состоялся «День социальной гигиены» и проводилось несколько конференций, благодаря чему появилась возможность пригласить на открытие видных деятелей социальной гигиены, здравоохранения и охраны труда²⁶.

¹⁹ Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 178. Оп. 1. Д. 16, 18, 19.

²⁰ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 325. Л. 24, 38–39.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Д. 326. Л. 88.

²⁴ Там же. Д. 327. Л. 2–3.

²⁵ Там же. Д. 326. Л. 62.

²⁶ Там же. Д. 387. Л. 1.

Советский павильон на Выставке занимал внушительную площадь более чем в 1000 кв. м (не считая площади научного отдела для специалистов и справочно-го бюро). Приоритет идеологии и пропаганды над собственно гигиеническим содержанием экспозиции прослеживается в самом расположении отделов советского павильона²⁷. Исходя из логики плановой экономики, экспозиция открывалась отделом пятилетки, четко намечавшим цели развития, создававшим установку на неумолимое достижение запланированного. Затем шел отдел труда, иерархически закреплявший главный догмат советского социализма во главе всей экспозиции. Затем, как иллюстрация социальной направленности советского государства, следовали отделы социального страхования и социального обеспечения. Собственно отдел здравоохранения помещался ближе к середине экспозиции, что, по-видимому, символизировало осевую идею всей выставки. С другой стороны, размещение здравоохранения в «сердцевинной» части павильона подчеркивало внутренний смысл иерархии — все целевые установки, т. е. «рацио» всей экспозиции, задавались описанной выше «головной» частью, а здравоохранение тематически скрепляло ее элементы, выступая в качестве «души», пронизывающей весь организм выставки. Без этого посетителям, незнакомым с советскими реалиями, части экспозиции могли показаться разнородными. Завершался советский павильон отделом Интуриста, своеобразным приглашением посетить СССР, чтобы увидеть все своими глазами. Научный отдел располагался отдельно на галерее, что, с одной стороны, подчеркивало важность научного компонента через его вынесение за пределы павильона. С другой стороны, большевики всегда отдавали приоритет именно практике, а науку считали вспомогательным звеном управления.

В отчете о работе советского павильона его директор И.Д. Страшун писал, что «вестибюль с его экспонатами являлся подтверждением основного лозунга, что подлинное оздоровление трудящихся возможно только на базе коренных социально-экономических мероприятий и культурной революции быта»²⁸. Таким образом, в оформлении павильона доминировала политическая пропаганда, а не специальные вопросы гигиены и здравоохранения. Визуальное представление интерьеров павильона дает официальный иллюстрированный путеводитель, изданный во время проведения Выставки [*UdSSR: Sowjetpavillon auf der internationalen Hygiene-Ausstellung Dresden, 1930*].

Если рассматривать советскую экспозицию на Выставке с точки зрения когнитивно-институционального подхода, то мы увидим, что выступавший в качестве основного актора описываемого взаимодействия Наркомздрав РСФСР выбрал в качестве основной стратегии пропаганду достижений плановой экономики, в которой здравоохранение играло хоть и важную, но все же сугубо инструментальную роль, обеспечивая растущий «организм» советской индустрии здоровыми рабочими ресурсами. Иерархически выстроенная смысловая концепция выставки, в которой собственно тема гигиены шла если не подголоском, то уж точно вторым голосом, символизировала стремительный рывок СССР из статуса вечно догоняющей Европу аграрной страны в ряды мировых индустриальных держав. Это, по-видимому, и было центральным посылом всей экспозиции, показывающим, что двигателем прогресса в области гигиены в СССР было государство с его четким планом транс-

²⁷ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 3–8.

²⁸ Там же. Л. 4.

формации всей социально-экономической системы. Таким образом, на выставке Наркомздрав РСФСР отчасти терял свою субъектность в качестве социального института, работая скорее на пропаганду советской государственной политики, чем на информирование зарубежной общественности о собственных гигиенических достижениях. Таким образом, оставаясь в нарративе экспозиции важным, но сугубо инструментальным объектом, Наркомздрав РСФСР создавал на выставке когнитивно-институциональную квазиструктуру, полностью подчиненную социальной реальности сталинского «большого скачка». В ней достижения государственной политики и собственно социалистического здравоохранения находились в вынужденно компромиссных отношениях — при безусловном превалировании политической пропаганды совсем терять гигиеническое содержание было нельзя во избежание обвинений в агитации, но его буквально «размазывали» по обширному советскому павильону.

С точки зрения дизайна советскую экспозицию на Выставке отличала свободная планировка выставочного зала с живописной пространственной структурой центрального стенда, открытой сценой и местами для зрителей, расположенными непосредственно в выставочном пространстве. Для показа экспонатов использовалось пространство потолка [*Канцедикас, Яргина, 2005, с. 45*]. Работники павильона подчеркивали его «динамический принцип»: бумажные материалы были заменены стеклом, деревом и металлом; а постоянный и перебегающий электрический свет, шум моторов экспонатов должны были создавать «особенное настроение бодрости, непрерывного движения»²⁹.

Эмблемой советской экспозиции на Выставке стал один из наиболее удачных, по мнению А. Канцедикаса и З. Яргиной (исследователей творчества художника), фотомонтажей Л.М. Лисицкого — молодой рабочий, в фигуру которого вписан земной шар. В ее основу была положена фотография А. Шайхета, на которой запечатлен момент сварки каркаса земного шара на фасаде Московского телеграфа. В трактовке Л.М. Лисицкого этот образ стал символом энергии и созидания [*Канцедикас, Яргина, 2005, с. 46*].

Советский павильон работал 135 дней — с 1 июня по середину октября и, по оценкам его директора, принял более 500 тысяч человек. Для проведения экскурсий по павильону был нанят опытный работник агитпропа, член Германской коммунистической партии, рекомендованный советским торгпредством, а также 24 командированных для работы на Выставке советских специалиста и 24 работника санпросвета, прибывшие на экскурсию по выставке³⁰. Были организованы доклады советских специалистов: директор музея охраны труда и социального страхования О.Л. Кузнецов прочитал лекцию об охране труда в СССР, руководитель санитарно-эпидемиологической секции Наркомздрава РСФСР А.Н. Сысин — о санитарном состоянии Советского Союза, Р.Е. Яхнина — об охране материнства и младенчества в СССР³¹.

Так как прикомандированные к советскому павильону сотрудники прибывали поздно и большими группами, основные пояснения посетителям лично давал его

²⁹ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 9.

³⁰ Там же. Д. 327. Л. 2–3; Д. 387. Л. 9–10.

³¹ Там же. Д. 387. Л. 12.

директор И.Д. Страшун³². С ним побеседовали более 250 немцев и других европейцев, а кроме того, единичные гости из Северной и Южной Америки, Азии и Австралии³³. Большинство специалистов приходили за разъяснениями после ознакомления с научной литературой, задавая совершенно конкретные вопросы. В отчете о работе советского павильона И.Д. Страшун отмечал, что в основном отмечался искренний интерес к СССР, но попадались и враждебно настроенные посетители, считавшие, что экспозиция является «потемкинской деревней» и ни в коей мере не соответствует действительности³⁴.

Пропагандистская работа сотрудников советской экспозиции на Выставке не ограничивалась стенами советского павильона. И.Д. Страшун писал наркомку М.Ф. Владимирскому, что публичные выступления также «имеют большое политическое значение», особенно для опровержения критики советского здравоохранения³⁵. 3 июля 1930 г. в помещении Гигиенического института Берлинского университета на заседании Общества связи между заграничными врачами и врачами СССР И.Д. Страшун выступил с докладом «Медицинское образование в Советском Союзе»³⁶. И в этом же месяце выезжал в Лейпциг для доклада «Организация и развитие советской медицины» в Институте истории медицины [Hutchinson, 1997, p. 230]. В письме в Наркомздрав РСФСР И.Д. Страшун писал, что значительная часть аудитории была настроена к СССР негативно, но директор института проф. А. Зигерист (которого автор письма назвал «белой вороной среди черной профессуры») положительно оценил успехи советского здравоохранения³⁷. Во время проведения Выставки И.Д. Страшун также выезжал в Чехословакию по приглашению местного общества «Международная рабочая помощь» (Межрабпом, *Arbeiterhilfe*), где в г. Теплице прочитал двухчасовой доклад «Социальная гигиена и охрана здоровья трудящихся в СССР»³⁸.

Из-за отсутствия подготовленных экскурсоводов, чехарды с помощниками и постоянных командировок И.Д. Страшун выбился из сил и жаловался в Наркомздрав в июле 1930 г., что «на этой проклятой выставке <...> потерял здоровье» и мечтает только об одном, «когда приедет кто-нибудь меня замещать»³⁹. В качестве помощника он просил оставить «знающего выставку <...> работягу» врача и художника К.В. Лапина и не присылать «командиров и старых брюзг»⁴⁰, а также требовал разрешить проезд жены в Дрезден. В итоге все его требования Наркомздравом были выполнены.

По всей видимости, И.Д. Страшун сгущал краски, чтобы показать руководству Наркомздрава свою перегруженность и важность своей работы. В Дрездене в это время находилась группа аспирантов ГИСГ. Один из аспирантов, М.Я. Мирский,

³² ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 23–24.

³³ Там же. Л. 13–14.

³⁴ Там же. Л. 15.

³⁵ Там же. Д. 326. Л. 23–24 об.

³⁶ Там же. Л. 47.

³⁷ Там же. Л. 12–13, 17–18.

³⁸ Там же. Д. 387. Л. 13.

³⁹ Там же. Д. 326. Л. 12–13.

⁴⁰ Там же.

позднее вспоминал, что в течение двух-трех недель их пребывания на Выставке он почти ежедневно с ними занимался,знакомил с достопримечательностями города, включая и знаменитую Дрезденскую картинную галерею, и читал «фактически лекции по истории мирового искусства» [Лотова, Заблудовский, 1979, с. 25].

Вопрос о будущем советского павильона стал обсуждаться еще за три месяца до закрытия Дрезденской выставки — летом 1930 г. представитель ВОКС в Великобритании В.Н. Половцова предлагала перевезти советскую экспозицию с Выставки в Лондон⁴¹. В середине октября 1930 г. ВОКС официально обратился в Наркомздрав РСФСР об использовании части экспонатов советского павильона на выставке ВОКС в Нью-Йорке⁴². Но нарком М.Ф. Владимирский ответил председателю ВОКС Ф.Н. Петрову категорическим отказом⁴³. В дальнейшем Ф.Н. Петров отказался от планов отправки экспонатов советского павильона Выставки в Америку якобы в связи с продлением работы дрезденской выставки еще на год⁴⁴.

* * *

Немецкая пресса уделила достаточно большое внимание советскому павильону на Выставке. По данным И.Д. Страшуна, в немецких газетах было размещено около 60 статей о советской экспозиции. Из них 26 (вырезки и выписки из газет на немецком языке, их переводы на русский) представлены в фондах ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР (Ф. А482, оп. 35).

Работа выставки совпала по времени с двумя предвыборными политическими кампаниями — выборами в саксонский ландтаг и парламентскими выборами в рейхстаг. Это политическое напряжение передалось реакции немецкой прессы на советскую экспозицию, а также на содержание записей в книге отзывов посетителей советского павильона. По хронологии эти публикации можно разделить на три периода.

В первый период (начало июня 1930 г., сразу после открытия советского павильона) дрезденские и некоторые берлинские газеты отметили исключительно художественные достоинства павильона. Но рекламно-агитационные цели создателей советского павильона показались слишком очевидными немецким обозревателям и привели к подозрению, что в нем «нет ничего действительного, а только желательное и предполагаемое»⁴⁵. С другой стороны, коммунистическая пресса Германии отнеслась к павильону очень благосклонно.

Основная часть вырезок и выписок из газет в фондах ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР относится именно к этому периоду. Директор советского павильона И.Д. Страшун оперативно информировал наркома М.Ф. Владимирского, что пишут местные газеты об экспозиции.

В первую очередь, немецкая пресса отметила оригинальный дизайн советского павильона: «Первое впечатление — просто невероятное. Технологии,

⁴¹ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 326. Л. 48 об.

⁴² Там же. Л. 4, 5.

⁴³ Там же. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁵ Там же. Д. 387. Л. 19.

использованные при создании павильона, его отделы и расположение были превосходными. Воображение поразила и современная структура павильона, в которой чередовались яркие цветные плакаты и листовки, а также современные черно-белые изображения. Несмотря на видимый акцент на современность павильона, вестибюль выглядит единообразно и очень привлекательно с художественной точки зрения⁴⁶. Немецкий обозреватель газеты “Dresdner Nachrichten” быстро определил авторский стиль Л.М. Лисицкого: «Сразу же напрашивается сравнение этого советского павильона с павильоном СССР на Международной выставке печати в Кельне». Вместе с тем у автора заметки появились сомнения в достоверности представленных материалов: «Однако за блестящим внешним оформлением павильона, к сожалению, кроется мало правдивой информации». Но и главный посыл павильона тоже был на поверхности: «Пропаганда и еще раз пропаганда — вот главная идея советско-российских выставок в Кельне и Дрездене»⁴⁷.

Другая дрезденская газета — “Dresdner Neueste Nachrichten”, цитируя слова из речи доктора В. Кюльца на открытии павильона, подчеркивала вторичный характер советского здравоохранения, тем самым превознося немецкую культуру: «СССР очень многому научился у Западной Европы, и <...> при этом СССР многим обязан прежде всего немецкой науке». Ее корреспондент также не поверил информации советского павильона: «Советская Россия показывает то, что она хочет показывать, но не то, как обстоит ситуация на самом деле, и вовсе не то, как она должна обстоять»⁴⁸.

Второй период (вторая половина июня 1930 г.) совпадает с открытием иностранных экспозиций, и это привело немецких наблюдателей к сравнению советского павильона с иностранными. С одной стороны, берлинская газета “Welt am Abend” отмечала идейную целостность советской экспозиции, ее концептуальность⁴⁹, но с другой, большинство газет обращало внимание на упор павильона на политико-пропагандистские задачи, а не на вопросы гигиены и здравоохранения⁵⁰.

После открытия иностранных павильонов берлинская газета “Neue Berliner Zeitung” сравнила советский павильон с американским: «В советском павильоне посетителей выставки ждал настоящий сюрприз. Издалека можно было подумать, что это, наверное, американский павильон, ведь только Америка может позволить себе такую рекламу. На создание этого павильона наверняка было выделено много средств. Тем более удивительным кажется тот факт, что Россия позволила себе построить здесь эту «потемкинскую деревню»⁵¹. В условиях мирового экономического кризиса, массовой безработицы и снижения жизненного уровня населения стран Европы «витрина со всеми блюдами русской кухни, огромные банки икры, фрукты и сладости из СССР» вызывали недоумение, особенно на фоне неофициальной информации, что «Советская Россия голодает»⁵².

⁴⁶ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 59; Д. 388. Л. 11, 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Д. 387. Л. 63; Д. 388. Л. 26, 30.

⁴⁹ Там же. Д. 326. Л. 26.

⁵⁰ Там же. Д. 387. Л. 20.

⁵¹ Там же. Л. 72.

⁵² Там же.

Третий период интереса немецкой прессы к советскому павильону на Выставке приходится на голосование по выборам в рейхстаг (14 сентября 1930 г.), когда ряд газет использовал критику советской экспозиции в предвыборной кампании. Издания антикоммунистической направленности указывали, что советский павильон сорвал с себя маску и откровенно перешел к политической пропаганде, причем показывает вещи, не имеющие никакого отношения к гигиене, а только к мировой революции и пропаганде коммунизма. Некоторые фашистские газеты даже предлагали удалить советский павильон с выставки⁵³.

Дирекция советского павильона это внимание расценивала как рекламу и привлечение дополнительного внимания к экспозиции. Учитывая его явно провокационный характер, игнорирование павильона и замалчивание в прессе было бы гораздо тяжелее воспринято его организаторами.

В этом контексте общедоступная гостевая книга (*öffentlich auslegendes Gästebuch*) советского павильона на Выставке стала продолжением арены политической борьбы поляризованного общества Германии: в ней присутствовали как профашистские, так и прокоммунистические лозунги⁵⁴.

Например, начальник управления здравоохранения округа Нойкельн (Берлин) Рихард Шминке (*Richard Schminke*), посетивший СССР в 1929 г., оставил следующий отзыв: «То, что можно увидеть в советском павильоне, — это лишь малая часть всех советских достижений в области здравоохранения. Только фанатичный враг рабочих может это отрицать»⁵⁵. Другой прокоммунистически настроенный посетитель павильона оставил такой анонимный комментарий: «Для каждого немецкого рабочего это должно означать: “Вперед, в духе Ленина! За советскую Германию!”»⁵⁶

Наряду с восторженными отзывами книга содержит и осторожные критические отклики: «То, что мы видим в этом павильоне, резко отличается от того, что рассказывают нам путешественники и что пишут в газетах журналисты»⁵⁷, или: «На гигиенической выставке больше нет таких сумбурных и запутанных павильонов, как этот. Необходимо повесить таблички с разъяснениями»⁵⁸.

Еще одна часть посетителей павильона оставили на страницах гостевой книги беспощадную критику всего советского государства, хотя и признавали художественные достоинства в оформлении павильона: «Почему так много крестьян бежало из страны, которая представляет на всеобщее обозрение такой “великолепный” павильон? То, о чем Вы здесь рассказываете, не имеет никакого отношения к социальному росту»⁵⁹, «Россия только и делает, что показывает свои социалистические достижения, однако при этом не стоит забывать о том, что рабочие часами стоят в очередях перед магазинами, держа в руках продуктовые карточки на мясо

⁵³ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 20.

⁵⁴ Там же. Л. 18.

⁵⁵ Там же. Л. 52.

⁵⁶ Там же. Л. 54.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 57.

⁵⁹ Там же. Л. 54.

и хлеб»⁶⁰, «Это все ложь и обман. Всем посетителям морочат голову. Современная Россия — это страна крайней нужды и упадка»⁶¹.

Изучение архивов Наркомздрава РСФСР приводит к выводу, что деятельность советского павильона была направлена на самое себя. При международном характере Выставки советский павильон был «полупроницаем» для окружающих: он был источником исключительно советской пропаганды, а внутрь его поступала информация о реакции немцев на эту пропаганду. Сведения о немецкой и иностранной частях Выставки (новых теориях, методах, технологиях и практиках) в документах по проведению Выставки практически отсутствуют, что, вероятно, было следствием узости задач, поставленных перед дирекцией советского павильона.

Сведения о передовых разработках в области здравоохранения и гигиены собирались другими советскими врачами, командированными на Выставку и в другие города Германии. После ознакомления с немецкой системой здравоохранения эти врачи в служебных отчетах выходили с рядом предложений по использованию немецких новаций в советской практике. Например, старший санитарный врач из Московской области С.Л. Лившиц отмечал, что «в первую очередь должен быть поставлен вопрос об организации санитарной милиции»⁶². Другой санитарный врач из Москвы, С.Н. Залманзон не надеялся на резкое увеличение инвестиций в санитарную деятельность и обращал внимание на выставке не на дорогостоящую приточную вентиляцию, а на устройство простой системы фрагуг с обогревом от батарей отопления⁶³. Аналогично С.Л. Лившицу С.Н. Залманзон предлагал для более эффективной работы санитарных врачей заимствовать немецкий опыт санитарной милиции⁶⁴.

Обнаруженные в фондах ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР аналитические документы позволяют предположить, что руководство ведомства получало полный спектр мнений о реакции немецкого общества на деятельность советского павильона на Выставке. Многие из них, например выписки из гостевой книги, не переведены на русский язык, так как нарком здравоохранения М.Ф. Владимирский, получивший медицинское образование в Германии, свободно владел немецким языком [Баткис, 1960, с. 7]. Он регулярно получал от ОБЗСИ свежую немецкую литературу, а некоторые письма И.Д. Страшуна М.Ф. Владимирскому на русском языке изобилуют вставками немецких слов и выражений⁶⁵.

Особенностью материалов ОБЗСИ Наркомздрава РСФСР по анализу освещения немецкой прессой работы советского павильона также является «деперсонализация» при переводе на русский язык газетных заметок. Например, в статье берлинской газеты *Berlin am Morgen* о советском павильоне была помещена фотография Л.М. Лисицкого и процитирована часть разговора с И.Д. Страшуном⁶⁶. Но в офи-

⁶⁰ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 57.

⁶¹ Там же. Л. 56.

⁶² Там же. Оп. 28. Д. 1. Л. 44–45.

⁶³ Там же. Л. 53–54.

⁶⁴ Там же. Л. 53 об.

⁶⁵ Там же. Оп. 35. Д. 326. Л. 48.

⁶⁶ Там же. Д. 388. Л. 7–10, 28.

циальном отчете о работе советского павильона на Выставке И.Д. Страшун ни свою фамилию, ни фамилию Лисицкого не упоминает.

* * *

Выставки здоровья пережили настоящий бум в Германской империи и Веймарской республике в первой половине XX в. Они были немецкой версией всемирной выставки и до начала Второй мировой войны привлекали миллионы посетителей. Цель их организаторов состояла в том, чтобы повлиять на поведение населения, связанное со здоровьем, путем распространения знаний и эмоционального отношения к ним. Для этого они собрали большое количество разнородных акторов на выставках, ориентиром которых было здоровье немецкого населения [Osten, 2005; Weinert, 2017].

Вместе с тем Выставка 1930 г. по сравнению с ее предшественниками была не столь финансово успешной, а ее повтор в 1931 г. обернулся полным провалом. На фоне финансовых трудностей и выплаты репараций после конца Первой мировой войны, которые привели к кризису государства всеобщего благосостояния в Веймарской республике, организаторы сделали акцент на «личной ответственности каждого за свое здоровье» [Weinert, 2017].

Подготовка советского павильона проходила на фоне смены руководства и политики Наркомздрава РСФСР, но уход Н.А. Семашко и назначение М.Ф. Владимирского на пост наркома не оказали заметного влияния на идеологическое содержание советской экспозиции. Экспозиция СССР на Выставке с самого начала планировалась как политическая акция на международной арене и стала в итоге политическим событием, а не специализированным мероприятием в области гигиены [Яровинский, 1977, с. 55].

Смысловая концепция павильона была построена на противопоставлении «прогрессивного» советского здравоохранения охране здоровья в «отсталой» царской России. Поэтому дореволюционное наследие русской гигиенической мысли сознательно отсекалось, а вместе с ним и имена добившихся мировой известности основоположников русской научной гигиены. Еще в большей степени это касалось ученых, эмигрировавших из Советской России. Строя новые символы величия, страна победившего пролетариата не нуждалась в авторитетах царского периода. На повестке дня стояла иная задача — зафиксировать прогресс государственной политики централизации и контроля, привлечь сочувствующих и поразить воображение критиков. Добиться этого удалось лишь отчасти.

Как указывает М. Дэвид-Фокс, учитывая серьезное давление со стороны партийного руководства, советские аппаратчики и интеллектуалы все зарубежные акции оценивали как успешные, и Выставка в Дрездене в 1930 г. не стала исключением [Дэвид-Фокс, 2015, с. 122]. Как отечественные, так и зарубежные обозреватели отмечали доминирование художественного оформления советского павильона над специализированным содержанием (материалы по здравоохранению и гигиене). Определяющим в успехе советского павильона на Выставке стало участие Л.М. Лисицкого в качестве его главного художника.

В этот период Л.М. Лисицкий был крайне востребован. В 1930 г. советский проект на Выставке не был единственным для него — параллельно он работал над

советской экспозицией на Международной выставке пушнины в Лейпциге. Для Л.М. Лисицкого Выставка в Дрездене была не первым успехом и не последним. Но в международной деятельности Наркомздрава РСФСР 1920–1930-х гг. участие в Выставке было самым масштабным проектом и предметом гордости.

Наиболее хорошо изученным каналом международных культурных связей СССР является ВОКС [David-Fox, 2006], но в случае участия в Выставке в Дрездене правительственным комиссаром советского павильона был назначен нарком здравоохранения РСФСР, а в подготовке экспозиции ВОКС не принимал никакого участия. Но к концу выставки ВОКС открыто заявил о своих правах на будущее использование советской экспозиции, пытаясь восстановить монополию культурной дипломатии СССР.

Внешняя культурная политика СССР наиболее серьезно проработана в исследовании М. Дэвида-Фокса о деятельности ВОКС [David-Fox, 2006; Дэвид-Фокс, 2015]. Как показал автор, ВОКС занимал в этом процессе центральное место. Наше исследование позволяет прийти к заключению, что ВОКС был не единственным актором внешней культурной политики СССР. Наркомздрав РСФСР сохранял за собой монополию на внешние связи в области медицины и здравоохранении.

Участие СССР в Выставке в 1930 г. приходится на закат тесного сотрудничества Советского Союза и Германии в области медицины и здравоохранения [Solomon, 2006]. Немецкая медицинская наука, игравшая ведущую роль в мире в XIX — начале XX в., стала уступать англо- и франкоязычной. Международная изоляция Германии после Первой мировой войны также подорвала лидерство немецкой медицины [Eckart, 1993, S. 133]. И после 10-летней ориентации международного сотрудничества Наркомздрава РСФСР на Германию по итогам Выставки в 1930 г. И.Д. Страшун вынужден был признать, что отсутствие советской специализированной литературы на французском и английском языках «является крупнейшим препятствием в деле освещения советской медицины в Западной Европе»⁶⁷.

Долгосрочным эффектом от участия в выставке для СССР стало знакомство выдающегося историка медицины А. Зигериста с советской системой здравоохранения. Пять лет спустя он посетил Советский Союз и написал книгу о советском здравоохранении, став одним из самых авторитетных защитников и пропагандистов советской медицины [Fee, Brown, 2004; Hutchinson, 1997].

Выставка показала различие в политических и научных повестках разных стран. Если Германия организовывала выставку с целью демонстрации своего научно-технического превосходства в области гигиены, то СССР использовал гигиену всего лишь как инструмент политической пропаганды на международной арене. Но повестки других стран — участниц Выставки отличались от изначальной ее цели так же далеко, как и советская: США демонстрировали молочную ферму, Франция — институт Пастера, Италия — национальную оперу в Риме [Гран, 1931, с. 306].

Подготовка специализированной части экспозиции заняла у Наркомздрава РСФСР целый год (с мая 1929 по май 1930 г.), над ней работали не только сотрудники Наркомздрава и его подведомственных институтов, но и представители организаций других ведомств (Наркомтруда, Наркомвнешторга, Интуриста и др.). И даже несмотря на более чем 10-летний опыт санитарно-просветительской работы (в 1927 г. только в РСФСР было 80 выставок при домах санитарного просвещения,

⁶⁷ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 388. Л. 24.

500 постоянных выставок при диспансерах и 1 500 передвижных [Тенебойм, 1929]) директор советского павильона на Выставке И.Д. Страшун отмечал плохое качество выставленных материалов (перегруженность деталями, излишние тексты и надписи, отсутствие простых пояснительных указаний), причем отдел павильона для массового посетителя оказался лучше подготовлен, чем отдел для специалистов. В отчете о работе павильона И.Д. Страшун указывал на недостаточность углубленных и детальных материалов в целом по здравоохранению и по отдельным направлениям работы Наркомздрава⁶⁸. В итоге оказалось, что подключившийся к подготовке экспозиции гений художника и архитектора Л.М. Лисицкого затмил огромную, но малоповоротливую бюрократическую машину советского здравоохранения. На международной выставке советское санитарное просвещение не выдержало конкуренции с немецким.

Возможно, плохая подготовка специальной части по гигиене и здравоохранению советского павильона сыграла роль в том, что немецкие обозреватели скептически отнеслись к декларируемым успехам и достижениям Наркомздрава. Недавно эти подозрения в несоответствии представляемой статистики заболеваемости реальным данным в СССР в 1920–1930-е гг. были подтверждены историками [Затравкин, 2018; Vishlenkova, Zatravkin, 2019].

Участие СССР в Выставке 1930 г. можно плодотворно концептуализировать в рамках подхода «мягкой силы», предложенной американским ученым Дж. Наем. Сам автор определяет этот термин как «способность влиять на других путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждений и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [Най, 2014, с. 56]. Несмотря на кажущуюся простоту и эффективность «мягкой силы», ее не всегда легко использовать, особенно когда слова и идеи не совпадают с внутренними реалиями. Также Дж. Най отмечает, что «мягкая сила» зависит от степени доверия, и при очевидных манипуляциях информация воспринимается как пропаганда, а доверие разрушается [Там же, с. 151]. Именно это и случилось с советским павильоном на Выставке 1930 г., и политическая информационно-пропагандистская задача в итоге не была достигнута.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А482. Оп. 1. Д. 652.
ГАРФ. Ф. А482. Оп. 28. Д. 1.
ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 325.
ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 326.
ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 327.
ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387.
ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 388.
Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД).
Ф. 178. Оп. 1. Д. 16.
РГАНТД. Ф. 178. Оп. 1. Д. 18.
РГАНТД. Ф. 178. Оп. 1. Д. 19.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 35. Д. 387. Л. 23.

Литература

- Баткис Г.А.* Выдающийся деятель советского здравоохранения Михаил Федорович Владимировский. М.: Медгиз, 1960. 37 с.
- Баикуев В.Ю.* Геополитические аспекты советско-германского сотрудничества в области медицины в 1920-х гг. // *Власть*. 2012. № 2. С. 145–149.
- Гран М.М.* Дрезденская гигиеническая выставка 1930 г. // *Казанский медицинский журнал*. 1931. № 3. С. 304–311.
- Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: НЛЮ, 2015. 561 с.
- Затравкин С.Н. [и др.]*. Заболеваемость инфекционными болезнями в СССР. Сообщение 1. 1919–1949 годы // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины*. 2018. № 5. С. 350–356.
- Канцедикас А.С., Яргина З.Н.* Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 4. Литература об архитектуре. 1925–1931. М.: Новый Эрмитаж — Один, 2004. 143 с.
- Канцедикас А.С., Яргина З.Н.* Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941. Ч. 5. Большая бесчувственность. 1932–1941. М.: Новый Эрмитаж — Один, 2005. 121 с.
- Космач В.А.* Неделя советской медицины в Берлине // *Советское здравоохранение*. 1987. № 1. С. 64–65.
- Лотова Е.И., Заблудовский П.Е. И.Д.* Страшун. М.: Медицина, 1979. 72 с.
- Най Д.С.* Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. 444 с.
- Поддубный М.В., Егорышева И.В., Морозов А.В.* Международное сотрудничество Наркомата здравоохранения РСФСР в период 1920–1930 годов // *Вестник современной клинической медицины*. 2017. № 5 (10). С. 74–78.
- Страшун И.Д.* Россия и русские на Дрезденской выставке 1911 года (К 50-летию Международной гигиенической выставки) // *Советское здравоохранение*. 1961. № 12. С. 84–87.
- Тенебойм Н.* Выставки // *Большая медицинская энциклопедия*. Т. 6: Вывихи — Гимза. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 103–111.
- Шерстнева Е.В.* Участие СССР в Международной гигиенической выставке 1930 г. в Дрездене (к 75-летию проведения) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2005. № 5. С. 57–59.
- Яровинский М.Я.* Русско-немецкое сотрудничество в создании гигиенических музеев и выставок // *Гигиена и санитария*. 1977. № 9. С. 52–55.
- Яровинский М.Я.* Международная гигиеническая выставка 1911 г. в Дрездене и ее роль в развитии медицинского музейно-выставочного дела // *Советское здравоохранение*. 1986. № 9. С. 75–77.
- David-Fox M.* Leftists Versus Nationalists in Soviet-Weimar Cultural Diplomacy: Showcases, Fronts and Numerangs / Ed. S.G. Solomon, Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 103–156.
- Eckart W.U.* Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar — Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932 // *Medizin in Geschichte und Gesellschaft*. 1993. № 11. S. 105–142.
- Fee E., Brown T.M.* Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist // *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* / Eds. F. Huisman, J.H. Warner, Baltimore: The John Hopkins University Press, 2004. P. 139–164.
- Hau M.* The Holistic Gaze in German Medicine, 1890–1930 // *Bulletin of the History of Medicine*. 2000. № 3 (74). P. 495–524.
- Hutchinson J.F.* Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // *Making Medical History: the Life and Times of Henry E. Sigerist* / Eds. E. Fee, T.M. Brown, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. P. 229–258.
- Münch R.* Von der Hygiene-Ausstellung zum Hygiene-Museum // *Acta Medico-Historica Rigensia*. 1992. № 1 (20). S. 74–97.
- Osten P.* Hygieneausstellungen: Zwischen Volksbelehrung und Vergnügungspark // *Deutsches Ärzteblatt*. 2005. № 45 (102). S. A3085–3088.

Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / Ed. S.G. Solomon. Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 3–31.

Stein C. Organising the History of Hygiene at the Internationale Hygiene-Ausstellung in Dresden in 1911 // *NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin*. 2013. № 4 (21). P. 355–387.

UdSSR: Sowjetpavillon auf der internationalen Hygiene-Ausstellung Dresden 1930: Führer durch den Pavillon der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken. Dresden, 1930. 30 p.

Vishlenkova E., Zatravkin S. Early Soviet Medicine: Statistical and Narrative Utopias // *Kwartalnik Historii Nauki i Techniki*. 2019. № 4. P. 83–106.

Weindling P. Health, Race, and German Politics Between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. 641 p.

Weindling P. German Overtures to Russia, 1919–1925: Between Racial Expansion and National Coexistence // *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* / Ed. S.G. Solomon. Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 65–60.

Weinert S. Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus. Leipzig: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. 458 p.

The USSR at the International Hygienic Exhibition in Dresden (1930): Healthcare as “Soft Power”

PAVEL E. RATMANOV

Far Eastern State Medical University,
Khabarovsk, Russia
e-mail: pavel.ratmanov@fesmu.ru

POLINA A. SHENOVA

Johannes Gutenberg University of Mainz
Germersheim, Germany
e-mail: polinashenoeva@gmail.com

VSEVOLOD YU. BASHKUEV

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian branch of Russian Academy of Science,
Ulan-Ude, Russia
e-mail: vbashkuev@gmail.com

The paper aims to study the USSR’s participation in the International Hygienic Exhibition in Dresden in 1930 in the context of Soviet and German history. We examine the preparation of the Soviet pavilion and work of the exhibition, as well as the perception of the Soviet exposition by the German press and evaluation of the exhibition by Soviet officials. The article is based on archival materials from the fund of People’s Commissariat of Health of Soviet Russia in the State Archive of the Russian Federation (GARF, F. A482): correspondence of the People’s Commissariat of

Health regarding the preparation and conduct of the exhibition, orders, minutes of meetings, reports, clippings from the German press, and so on.

From the outset, the USSR's exposition was conceived as an international political action, and, as a result, it became more a political manifestation than an event in the field of hygiene. The 1930 Dresden exhibition showed a difference in the political and scientific agendas of different countries. If Germany organized the exhibition to demonstrate its scientific and technological superiority in the field of hygiene, the USSR used hygiene merely as an instrument of political propaganda in the international arena.

German press praised the artistic design of the Soviet pavilion, noting the role of Lazar Lissitzky. At the same time, observers of German newspapers did not believe the charts of mortality and morbidity rates in the USSR and believed that the USSR demonstrated non-existent achievements.

Keywords: public health, history, People's Commissariat of Health, international relations, soft power, Soviet Russia, Germany.

References

- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation], f. A482, op. 1, d. 652.
- GARF, f. A482, op. 28, d. 1.
- GARF, f. A482, op. 35, d. 325.
- GARF, f. A482, op. 35, d. 326.
- GARF, f. A482, op. 35, d. 327.
- GARF, f. A482, op. 35, d. 387.
- GARF, f. A482, op. 35, d. 388.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tehnicheskoy dokumentatsii (RGANTD) [Russian state archive of scientific and technical documentation], f. 178, op.1, d. 16, 18, 19.
- Batkis, G.A. (1960). *Vydayushchiysya deyatel' sovetskogo zdravookhraneniya Mikhail Fedorovich Vladimirskiy* [An outstanding figure in Soviet health care Mikhail Fedorovich Vladimirsky]. Moskva: Medgiz (in Russian).
- Bashkuev, V.Yu. (2012). Geopoliticheskiye aspekty sovetsko-germanskogo sotrudnichestva v oblasti meditsiny v 1920-kh gg. [Geopolitical aspects of the Soviet-German medical cooperation in medicine the 1920s]. *Vlast'*, 2, 145–149 (in Russian).
- Gran, M.M. (1931) Drezdenskaya gigienicheskaya vystavka 1930 g. [Dresden hygiene exhibition in 1930]. *Kazanskiy meditsinskiy zhurnal*, XXVII (3), 304–311 (in Russian).
- David-Fox, M. (2006). Leftists versus Nationalists in Soviet-Weimar Cultural Diplomacy: Showcases, Fronts and Numerangs. In S.G. Solomon (Ed.), *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* (pp. 103–156). Toronto: University of Toronto Press.
- David-Fox, M. (2015). *Vitiny velikogo eksperimenta: Kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnyye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the great experiment: cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Eckart, W.U. (1993). Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar—Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932. *Medizin in Geschichte und Gesellschaft*, 11, 105–142 (in German).
- Fee, E., Brown, T.M. (2004). Using Medical History to Shape a Profession: The Ideals of William Osler and Henry E. Sigerist. In F. Huisman & J.H. Warner (Eds.), *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* (pp. 139–164). Baltimore: The John Hopkins University Press.
- Hau, M. (2000). The Holistic Gaze in German Medicine, 1890–1930. *Bulletin of the History of Medicine*, 74 (3), 495–524. <https://doi.org/10.1353/bhm.2000.0125>

Hutchinson, J.F. (1997). Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine. In E. Fee, T.M. Brown (Eds.), *Making Medical History: The Life and Times of Henry E. Sigerist* (pp. 229–258). Johns Hopkins University Press.

Kantsedikas, A.S., Iargina, Z.N. (2004). *El' Lisitskiy. Fil'm zhizni. 1890–1941. Ch. 4. Literatura ob arkhitekture. 1925–1931* [El Lissitzky. The film of life. 1890–1941. Part 4. Literature on architecture. 1925–1931]. Moskva: Novyy Ermitazh — Odin (in Russian).

Kantsedikas, A.S., Iargina, Z.N. (2005). *El' Lisitskiy. Fil'm zhizni. 1890–1941. Ch. 5. Bol'shaya beschuvstvennost'. 1932–1941* [El Lissitzky. The film of life. 1890–1941. Part 5. Great insensibility. 1932–1941]. Moskva: Novyy Ermitazh — Odin (in Russian).

Kosmach, V.A. (1987). Nedelya sovetskoy meditsiny v Berline [Soviet medicine week in Berlin]. *Sovetskoye zdravookhraneniye*, no. 1, 64–65 (in Russian).

Lotova, E.I., Zabludovskii, P.E. (1979). *I.D. Strashun*. Moskva: Meditsina (in Russian).

Münch, R. (1992). Von der Hygiene-Ausstellung zum Hygiene-Museum. *Acta Medico-Historica Rigensia*, 1 (20), 74–97 (in German).

Osten, P. (2005). Hygieneausstellungen: Zwischen Volksbelehrung und Vergnügungspark. *Deutsches Ärzteblatt*, 102 (45), A3085–3088 (in German).

Poddubnyi, M.V., Egorysheva, I.V., Morozov, A.V. (2017) Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo Narkomata zdravookhraneniya RSFRS v period 1920–1930 godov [International cooperation of the People's Commissariat of Health of the Soviet Russia in the period 1920–1930.]. *Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny*, 10 (5), 74–78 (in Russian).

Sherstneva, E.V. (2005). Uchastiye SSSR v Mezhdunarodnoy gigienicheskoy vystavke 1930 g. v Drezdene (k 75-letiyu provedeniya) [USSR participation in the International hygienic exhibition in Dresden in 1930 (75th anniversary)]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, no. 5, 57–59 (in Russian).

Solomon, S.G. (2006). Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars. In S.G. Solomon (Ed.), *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* (pp. 3–31). Toronto: University of Toronto Press.

Stein, C. (2013). Organising the History of Hygiene at the Internationale Hygiene-Ausstellung in Dresden in 1911. *NTM Zeitschrift Für Geschichte Der Wissenschaften, Technik Und Medizin*, 21 (4), 355–387. <https://doi.org/10.1007/s00048-014-0109-5>

Strashun, I.D. (1961). Rossiya i russkiye na Drezdenskoy vystavke 1911 goda (K 50-letiyu Mezhdunarodnoy gigienicheskoy vystavki) [Russia and Russians at the Dresden exhibition in 1911 (50th anniversary of the International hygiene exhibition)]. *Sovetskoye zdravookhraneniye*, no. 12, 84–87 (in Russian).

Teneboim, N. (1929). Vystavki [Exhibitions]. In N.A. Semashko (Ed.), *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* (Vol. 6: Vyviki–Gimza, pp. 103–111). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya (in Russian).

UdSSR: Sowjetpavillon auf der internationalen Hygiene-Ausstellung Dresden 1930: Führer durch den Pavillon der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken. (1930) (in German).

Vishlenkova, E., Zatravkin, S. (2019). Early Soviet Medicine: Statistical and Narrative Utopias. *Kvartalnik Historii Nauki i Techniki*, no. 4, 83–106. <https://doi.org/10.4467/0023589XKH NT.19.032.11040>.

Weindling, P. (1993). *Health, Race, and German Politics Between National Unification and Nazism, 1870–1945*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Weindling, P. (2006). German Overtures to Russia, 1919–1925: Between Racial Expansion and National Coexistence. In S.G. Solomon (Ed.), *Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars* (pp. 65–60). Toronto: University of Toronto Press.

Weinert S. (2017). *Der Körper im Blick: Gesundheitsausstellungen vom späten Kaiserreich bis zum Nationalsozialismus*. Leipzig: Walter de Gruyter GmbH & Co KG (in German).

Yarovinskii, M.Ya. (1977). Russko-nemetskoye sotrudnichestvo v sozdanii gigienicheskikh muzeev i vystavok [Russian-German cooperation in the creation of hygiene museums and exhibitions]. *Gigiyena i sanitariya*, no. 9, 52–55 (in Russian).

Yarovinskii, M.Ya. (1986). Mezhdunarodnaya gigienicheskaia vystavka 1911 g. V Drezdene i ee rol' v razvitii meditsinskogo muzeyno-vystavochnogo dela [International hygiene exhibition in Dresden in 1911 and its role in the development of the medical museum and exhibition business]. *Sovetskoye zdravookhraneniye*, no. 9, 75–77 (in Russian).

Zatravkin, S.N., Khabriev, R.U., Shchepin, V.O., Sarkisov A.S. (2018). Zabolevayemost' infeksionnymi boleznyami v SSSR. Soobshcheniye 1. 1919–1949 gody [The incidence of infectious diseases in the USSR. Part 1. 1919–1949]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istoriya meditsiny*, 26 (5), 350–356. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2018-26-5-350-356> (in Russian).